

8. Арутюнов Л. Н. Национальный мир и человек // Советская литература и мировой литературный процесс: Изображение человека. М., 1972. С. 166-209.
9. Скорospelова Е. Б. Русская проза XX века: От А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003. 358 с.
10. Лейдерман Н. Л., Володина Е. Н. Соцреалистический метажанр и его потенциал // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Кн. 1: Новые художественные стратегии. Екатеринбург, 2005. С. 331-354.
11. Литовская М. А. Формирование соцреалистического канона // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Кн. 1: Новые художественные стратегии. Екатеринбург, 2005. С. 296-330.
12. Синявский А. Д. Что такое социалистический реализм (Фрагменты из работы) // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. М., 1990. С. 54-79.
13. Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. М., 2001. 464 с.
14. Русская советская литературная критика (1956-1983): Хрестоматия. М., 1984. 367 с.
15. Воробьева Н. Н. Принцип историзма в изображении характера: Классическая традиция и советская литература. М., 1978. 264 с.
16. Пархоменко М. Н. Многонациональное единство советской литературы. М., 1978. 287 с.
17. Гусейнов Ч. Г. Формы общности советской многонациональной литературы. М., 1978. 181 с.
18. Утехин Н. П. Черты неповторимого. М., 1980. 207 с.
19. Белая Г. А. Литература в зеркале критики: Современные проблемы. М., 1986. 368 с.
20. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М., 2005. 495 с.
21. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997. 317 с.
22. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 69-263.
23. Огрызко В. В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: Библиографический справочник. Ч. 1. М., 1998. 536 с.

Флера Сагитовна САЙФУЛИНА —
 зав. кафедрой татарского языка и литературы
 филологического факультета Тобольского
 государственного педагогического института
 им. Д. И. Менделеева,
 кандидат филологических наук, доцент

УДК 82.09

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЯКУБА ЗАНКИЕВА

АННОТАЦИЯ. Объектом данного исследования является творчество Якуба Занкиева, который одним из первых воссоздал историческую панораму жизни сибирско-татарского народа XIX столетия и является ярким образцом интересной и своеобразной литературы Тюменского Севера. Он обогатил татарскую литературу новой темой, невиданными доселе образами и событиями.

The author surveys the novels of Yakub Zankiev who depicted life of Siberian Tatars in the 20th century and contributed a lot into the development of Tatar literature having introduced new subjects and characters.

В многовековой истории татарской литературы, начало которой принято считать с поэта древности Кул Гали (начало XIII века), до времен творений класси-

ков татарской поэзии — Габдуллы Тукая, Сагита Рамеева и Дардеманда, прозаиков Гаяза Исхаки, Фатиха Амирхана и Галимджана Ибрагимова, драматургов Галиасгара Камала, Мирхайдара Файзи и до писателей современности известно множество талантливых, ярких имен, которые имеют свой неповторимый стиль, узнаваемое перо. В галерее известных творений этих художников слова произведения Якуба Занкиева занимают скромное и вместе с тем очень важное место. В современной татарской литературе мало писателей, вышедших из так называемой литературной периферии. Причина в том, что с середины XX века, в связи с политикой создания единого «советского народа», велась деятельность, направленная на уничтожение языков так называемых «малых народов». И, в частности, татарскому народу, проживающему за пределами республики Татарстан, были ограничены возможности получения образования на родном языке. Тем самым, на корню пресекалось появление творческих сил, которые могли бы внести свою лепту в развитие татарской литературы.

«Да, велик и прекрасен народ, жизнеспособен и устойчив, за многие века не потерявший своих обычаев и культуры, — пишет известный литературный критик В. Рогачев в статье «В ожидании рассвета», в предисловии к роману «Зори Иртыша» Я. Занкиева. — Такой народ достоин собственной литературы как художественной летописи своего духовного самосознания. Но исторические деформации и катастрофы долгое время не позволяли появиться в среде сибирских татар профессиональным литераторам. Лишь в последнюю четверть века, в условиях очередной, трудной для России полосы реформ, они заявили о ней» [5; 8.]. В этом отношении велика заслуга первого прозаика из сибирских татар, автора дилогии «Зори Иртыша» (Казань, 1988, 1994)) и романа «Любовь, обьятая пламенем» (Казань, 1999) Я. Занкиева. Издание этих произведений стало большим историческим событием как для литературы Тюменского региона, в частности, так и всей татарской литературы в целом.

Прежде чем приступить к анализу литературного текста, нужно изучить биографию самого писателя, что может явиться ключом к разгадке основной идеи произведения. Биография писателя, его жизненный опыт — главный и очень значимый источник творчества. Каждый писатель в своих произведениях воплощает особенное видение мира, восприятие событий, которое, как показывает история развития литератур, отражается иногда открыто, прямо, иногда косвенно, через подтекст. Но в каждом творении художника мы видим оценку автором своего времени, его взгляда на окружающий мир, на отдельные проблемы и особенности подхода к их решению. Таким образом, приступая к анализу любого произведения, необходимо выяснить роль самого автора в произведении. Как отмечено в теоретических исследованиях, «Слово «автор» имеет в сфере искусствоведения несколько значений. Это, во-первых, творец художественного произведения как реальное лицо с определенной судьбой, биографией, комплексом индивидуальных черт. Во-вторых, это образ автора, локализованный в художественном тексте, т. е. изображение писателем ... самого себя. И, в-третьих, это художник-творец, присутствующий в его творении как целом, имманентный произведению» [7; 68-69]. Так автор определенным образом по-дает и освещает реальность, осмысливает и оценивает, а также демонстрирует свою творческую энергию. Всем этим он проявляет себя в качестве субъекта художественной деятельности. Авторская субъективность организует произведение и порождает его художественную целостность. Таким образом, в художественном произведении субъектом речи может быть собственно автор, рассказчик, повествователь, издатель, различные персонажи. Однако все это объединяется, высвечивается отношением автора — мировоззренческим, нравственным,

социальным, эстетическим. Это воплощенное в речевой структуре текста личностное отношение к предмету изображения и есть образ автора, который соединяет все элементы текста в единое целое. Как писал Л. Н. Толстой: «Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, не есть единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету» [6; 18-19.].

Выходец из татар, проживающих в Сибири, Я. Занкиев, в своих произведениях отражает события, произошедшие на своей малой Родине, увиденные и пережитые лично. События, художественно раскрытые в диалогии, можно условно разделить на четыре этапа: исторические события октябрьской революции; кровавые годы гражданской войны; классовая борьба в годы коллективизации сельского хозяйства и предвоенные годы, и жизнь сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны. На фоне таких масштабных событий протекает непростая жизнь героев романа, полная коллизий и перипетий. Вереница больших и малых событий проходит перед взором читателя. За всеми ими видится нам образ автора, мудрого педагога, участника Великой Отечественной войны, человека, сохранившего благородство души, несмотря на многочисленные испытания жизни, сумевшего разносторонне и объективно оценить прожитые годы.

Анализируя роман-дилогию «Зори Иртыша», в первую очередь, можно увидеть, что основные события романа происходят в деревне Ялан, прототипом которой является родная деревня писателя Хужайлан (Хужа яланы). Налицо и слуховое созвучие названий. Современники, люди, близко знавшие самого автора и являющиеся свидетелями многих событий, описываемых в романе, подтверждают подлинность сюжетных линий, которые легли в основу фабульной канвы романа. Неудивительно, что некоторые герои романа узнаваемы, их поступки, взгляды на жизнь и некоторые характерные черты напоминают читателю самого писателя.

При анализе художественного текста, нужно вспомнить мысль литературоведов о том, что мир произведения — это художественно освоенная и преображенная реальность, и что наиболее крупные единицы словесно-художественного мира — персонажи, составляющие систему, и события, из которых слагаются сюжеты.

Понятие художественного образа обязано своим рождением художественной литературе, где язык становится одновременно и средством, и предметом искусства. Как определяет В. В. Кожин, художественная речь имеет собственную ценность именно потому, что «она есть не просто форма, но и определенное содержание, ставшее формой образа» [4; 46.].

Создание литературных героев — процесс трудоемкий и не всегда поддающийся легкой интерпретации. Исследователи романа считают, что главный вопрос этого жанра — вопрос о герое, показ его как определенного типа своей эпохи. Используя столь значительные возможности романа, Я. Занкиев в своих произведениях осмысливает очень важные, по его мнению, и с точки зрения современников, проблемы жизни и судьбы своего народа. Следуя классическим требованиям этого жанра, писатель через частную жизнь и судьбу главных героев подвергает анализу и оценке вопросы общенационального, общечеловеческого характера.

При анализе системы образов романа «Зори Иртыша», обращаем внимание на те персонажи, которые реалистичны, в которые возложена роль отражения правды жизни. В диалогии много подобных образов-персонажей. Одним из них является Юсуф. Он не претендует на роль главного героя произведения, но занимает значимое место в выявлении идейного содержания романа. В образе маленького мальчика-сироты, несомненно, можно увидеть отдельные черты характера самого писателя, угадать его судьбу. Имя героя тоже символично, оно созвучно имени автора. И Якуб, и Юсуф являются именами пророков, почитаемых у мусульман. Как и автор романа, Юсуф тоже с раннего детства остается сиротой.

той, воспитывается в семье дяди и бабушки. Как неоднократно отмечено самим автором, в этом образе он отображает свои детские переживания и воспоминания. Для сравнения можно сослаться на следующий пример. В автобиографических записях Якуба Камалиевича есть такие слова: «Когда умерла мама, мне было всего восемь лет. На кладбище, когда ее хоронили, муэдзин сказал: «Пусть первую горсточку земли на могилу бросит единственный сын». Маленькими ладошками бросил три горсточки земли. Когда все покинули кладбище, почувствовав одиночество, повернулся назад, увидел новую могилу и громко заплакал...».

Подобный эпизод есть и в романе: «На краю леса виднелось кладбище. Когда умерла мама, он, еще совсем маленький, бросил три горсти земли в ее могилу. Вспоминая это, у Юсуфа навернулись слезы. Когда подходил к кладбищу, рыдался. «Мамочка моя милая, если бы ты была жива, меня одного в сумерки никогда не пустила бы искать корову. Я замерз совсем, медведя сильно испугался...», — приговаривая, рыдал мальчик, обнимая могилу матери. Рыдал, пока не стало на душе легче» [2; 64].

Создать образ маленького героя, потерявшего мать, помогли пережитое им самим и жизненный опыт автора. Общность судеб лежит в основе образа. Вместе с Юсуфом в произведение автором вводятся и другие герои, которые в жизни окружают мальчика. Одним из них является его дядя — Сагдутдин, в образе которого писатель передает некоторые черты характера своего дяди Салахутдина, растившего и воспитывавшего его. При анализе таких образов мы оперируем термином «прототип». В литературоведении термин «прототип» совпадает со значением «первый образ». Подобно прототипу данного образа, Сагдутдин тоже по доносу осуждается и попадает на строительство «Беломорканала». Здесь автор отражает исковерканную судьбу человека, пережившего все тяготы советских лагерей. Описание образа Салахутдина воспитывает читателя в духе уважения и сострадания к людям, которые были очевидцами или участниками множества страшных событий, пережили годы репрессий, были незаслуженно осуждены и сосланы в чужие края.

Также интересен образ Гизатбану — жены Сагдутдина, отразившей черты характера жены дяди Салахутдина. Из простой деревенской женщины она перерастает в мать, которая принимает чужого ребенка, в трудные военные годы взваливает на свои плечи судьбу всей деревни, согласившись быть председателем колхоза. Автор в ее образе создает тип самоотверженной женщины, который уже находил отражение в произведениях татарских писателей Г. Баширова, М. Амира и др. Спокойная, мудрая, бескорыстная, работающая, по-мужицки сильная Гизатбану во многом напоминает известных персонажей романа «Честь» Г. Баширова — Нафису и одноименной драмы М. Амирова — Миннекамал. Она своим трудом добивается уважения и поддержки односельчан.

Прототипом образа бабушки Юсуфа Хади является дед писателя, который сделал очень много в становлении и воспитании своего внука. Автор с благодарностью, с глубоким уважением и любовью вспоминал деда Камали, который старался дать внуку образование и помог стать достойным человеком.

Таким образом, многие герои романа имеют реальную почву, их характеры напоминают близких автору людей. Такие герои усиливают реалистичность диалогии, подчеркивают правдоподобность описываемых в произведении событий. Примечателен тот факт, что даже второстепенные, «маленькие» герои романа имеют свой неповторимый облик и своеобразный характер. При изображении каждого героя чувствуется отношение к ним самого автора.

Интересен в этом плане и главный герой романа Мухамед Уразаев — деревенский школьный учитель, который сыграл огромную роль в судьбе Юсуфа и ряда других героев, в формировании их личности, взглядов на жизнь. Сам

писатель всю жизнь оставался благодарным своим учителям, и данное произведение он посвящает тем, кто учил его премудростям бытия.

Образ главного персонажа Мухамеда может считаться художественным открытием Я. Занкиева. Судьба данного героя органично переплелась с движущейся панорамой десятилетий XX века — трагической историей сибирских татар. По определению литературоведа В. Рогачева, он, «совестливый герой-правдоискатель», показан народным интеллигентом, которому дороги родная культура, многовековой уклад народной жизни и хорошо знакомы вехи российской и мировой культуры. Знакомый с биографией Я. Занкиева читатель в этом образе может узреть многие черты характера и поведения самого писателя. Автор, сам учитель физики и математики, посвятил себя школе и воспитанию детей. Как и главный герой своего романа, он смог найти свою нишу в жизни, полностью отдаваясь любимой работе. Интеллигентность, образованность, терпение, уважительное отношение к детям, трудолюбие, которые украшают главного героя, присущи и самому автору.

Многие события в романе происходят в стенах маленькой деревенской школы. Характеры героев формируются под влиянием умных, почитаемых в деревне людей — учителей. В раскрытии образов учащихся-школьников в романе заложена идея произведения, главная мысль автора, которая может быть сформирована так: в жизни человека многое зависит от его учителей, от того, как и где он учился, как относился к приобретению знаний.

Таким образом, характерные особенности литературных образов проявляются и в том, что они собирательные. Талантливый автор, будучи зорким аналитиком, в своих героях отражает многие черты, присущие людям данного времени и отдельного народа, обогащает их своим видением мира и внутренним духовным богатством. Так создаются неповторимые, узнаваемые и запоминающиеся образы — типы. Многочисленные герои романа могут служить примерами для подтверждения данной мысли.

Складывающийся из действий и взаимоотношений персонажей сюжет произведения раскрывает изменчивость бытия — т. е. его «динамику». Но большое значение в эпических произведениях часто имеют такие подробности жизни персонажей, которые менее изменчивы и представляют собой его «статичку». Таковы описание деталей внешности героев (т. е. их портреты), отдельных элементов бытового уклада, а также проявлений природы, среди которых протекает жизнь персонажей, что одновременно является особенностью региональной литературы.

Проследившая литературу от древности до современности, ученые-литературоведы подчеркивают ослабление связей литературы XX века с «живой природой», что объясняется «...изолированностью нынешнего литературного сознания от большого человеческого мира, его замкнутостью в круте сугубогородских сообществ и группировок» [6; С. 247]. Полной жизнью, однако, живет природа в творчестве таких авторов, как В. П. Астафьев, В. Г. Распутин, В. И. Белов, Ю. П. Казаков — в русской литературе; Г. Баширов, А. Еникеев, М. Магдеев, Н. Фаттахов, М. Хабибуллин и многих других — в татарской.

В исследуемом произведении Я. Занкиева «Зори Иртыша» изображению природы уделяется большое внимание. Являясь одним из представителей региональной литературы, в своих произведениях писатель художественно раскрывает природу Тюменского Севера. Описание окружающей среды является здесь не только фоном событий, но и отражением условий жизни сибирских татар, при которых и в зависимости от которых формируются их характеры. Преклонение перед миром природы издавна живет в душе деревенского жителя; с молоком матери ребенку прививалось уважительное, бережное отношение к матери-

природе, которая является не только местом проживания народа, но и условием выживания, источником жизни.

В описании событий и психологической характеристике душевного состояния своих героев автор широко пользуется пейзажными зарисовками. В романах даны описания различных сторон окружающего персонажей романа живого мира природы. Своеобразное изображение пейзажа, пересекающееся в большинстве случаев с картинами деревенской жизни, крестьянского труда, помогает автору в раскрытии особых характерных черт, присущих жителям сибирской глубинки. Тяжелый, вместе с тем и интересный труд деревенских жителей в произведениях изображается в органической связи с красивой природой Прииртышья. В диалогии деревня Ялан представляется автором центром всех событий.

Картины времен года меняются перед глазами читателя: зиму сменяет весна, лето незаметно переходит в осень.

«Когда рассветало, дед надел круглую, отороченную мехом шапку, поверх легких домашних сапог — полуваленки, взял с печи большие рукавицы из собачьего меха и вышел во двор. На улице трещал мороз. Весна запаздывала. Со стороны Иртыша дул резкий холодный ветер и гнал по улице поземку. По небу неслись рваные клочья облаков. Восходящее солнце проглядывало между ними и освещало кедры, росшие у деревни. На ветвях лежал толстый слой снега». [2; 21]. Речь идет о старике Хади — дедушке одного из главных героев романа Юсуфа. В данном отрывке автор, умело используя неожиданные эпитеты и метафоры, детально описывает и внешность старика, и его манеру одеваться, тем самым воссоздает картину суровой зимы Сибири.

В его произведениях очень много словесных картин, где не скрывается восхищение автора красотами родной природы. Такими являются описания природы довоенных лет. Работа на полях, сенокос описаны в романе как праздник труда, где и стар и млад старается показать свою ловкость, умение, силу. «В ауле страдная пора — сенокос. Эта работа сезонная. Каждый погожий час в эту пору на вес золота. Вот где верна поговорка: день год кормит. Всего две-три недели дает природа людям. А после любуйся на эти бескрайние луга: то там, то тут стоят стога, радуя глаз сельчан». [2; 235].

Роль пейзажа в произведении многогранна. Автор показывает не только красоту родной природы, но и ее богатство. В годы засухи сибирский народ выжил благодаря богатой сибирской природе. В романе озеро Шикширым изображается как источник жизни, спасший жителей близлежащих деревень от голодной смерти: «Оно растянулось, как маленькое море. Люди Ассата жили на берегу Иртыша, хорошо изучили нрав реки и приспособились к ней. А здесь они растерялись. Привыкших к вечно движущейся, шумной и живой воде Иртыша рыбаков испугала стоявшая над озером тишина. Темная поверхность была гладкой и неподвижной, как стекло. Синим туманом виднелся противоположный берег. Оробели яланцы, смотря на озеро в этот тихий час. Вдруг на середину Шикширыма опустилась стая уток. Сразу все оживилось, прошла по воде рябь, а воздух наполнился шумом крыльев и кряканьем уток». [2; 27].

Тайга в романе описывается как совершенно иной живой мир, скрытый от человеческих глаз, непонятный и скрывающий в себе множество тайн. «Карун Рахматулла вместе с несколькими одичавшими людьми вдоль и поперек прошагали бескрайние болота и забрались в настоящие дебри. Остановились на маленьком островке, где не ступала нога человеческая.

...А клюквы здесь было столько, хоть греби лопатой. В лесу соболю, белка, горностай, лось. Словом, что душе твоей уютно. Только вот хлеба, соли и спичек не всегда было вдоволь». [2; 57]. Богатство леса в произведении как бы противопоставляется жадности и скупости беглеца Рахматуллы.

Природные явления способствуют более глубокому раскрытию внутреннего мира героев произведения. В изображении разнообразия душевного состояния своих героев писатель смело пользуется описанием пейзажа, психологически совпадающего с душевным состоянием персонажей. Отдельные явления природы, такие как гроза, буря, в произведениях служат предвестниками печальных и тревожных известий. Так, перед тем, как описать надругательство Ульмаса над Сарвар, автор рисует картину надвигающейся грозы. В считанные минуты небо заволочло черными тучами и неожиданно как из ведра полил сильный дождь. Автор как бы предупреждает читателя о предстоящей трагедии одного из любимых им героев. В такую жуткую погоду преграждающие дорогу девушке парни кажутся ничуть не лучше беглецов-бандитов, живущих в лесу. Такой же тревожной и страшной описывается природа в день объявления войны.

В памяти читателя особенно остаются эпизоды изображения неповторимых явлений природы, которые связаны с образом жизни сибирского народа, живущего на берегу седого Иртыша. Так, например, в романе дается описание падения метляка. Автор сам дает пояснение этому чуду природы, которое можно узреть только на берегах Иртыша. [2; 32].

Красота окружающей природы помогает автору раскрыть богатство внутреннего мира, душевных переживаний героев. В этом смысле удачным можно считать следующий пример из диалогии: «...Много ли времени прошло, а ваши кедровые шишки уже глаза радуют. Шишек только нет. Первые кедровые шишки появляются лишь через сорок-пятьдесят лет. А деревья эти, люди говорят, живут до 800 лет. Их орехи будут радовать ваших внуков и правнуков. Вот и вы — мои деревья, родившиеся и выросшие здесь, под зорями Иртыша. Вы тоже пустите свои корни, отчего будет зависеть, как крепко вы будете стоять на земле...» [2; 174]. Так размышляет о будущем своих учеников учитель М. Уразаев.

Условия жизни формируют многие особенности быта деревенских жителей. Окружающая человека природа является не только источником тепла и уюта, но и местом отдыха и вдохновений. «Молодежь Ялана, — пишет автор, — из поколения в поколение, вспоминая свои юные годы, обязательно связывает их с Девичьей Горой — самым высоким и самым красивым местом на берегу Иртыша. Будто сама природа постаралась украсить этот холм так, чтобы радовать людей». [2; 174].

Таким образом, можем с уверенностью отметить, что произведения писателя Якуба Занкиева являются отражением особенностей региональной литературы: во-первых, в них изображены исторические события, произошедшие в жизни народа Тюменского края; во-вторых, здесь раскрываются условия жизни и формирования характеров героев — национальных черт татарского народа; в-третьих, события происходят на фоне богатой и таинственной природы Сибири; в-четвертых, раскрытию характеров персонажей служат традиции, обычаи и обряды сибирских татар; в-пятых, язык произведений обогащен живой разговорной речью народа. Эти особенности творений Я. Занкиева, с одной стороны, делают их узнаваемыми, выделяют из множества известных произведений татарской литературы, с другой стороны, его творения могут считаться одними из лучших произведений в своеобразной литературе Тюменского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриев В. А. Реализм и художественная условность. М., 1974. С. 277.
2. Занкиев Я. Зори Иртыша. Книга первая (пер. с татар. Н. Сайфуллиной). Тюмень: СофтДизайн, 1996.
3. Занкиев Я. Зори Иртыша. Книга вторая. (пер. с татар. Н. Сайфуллиной). Тюмень: «СофтДизайн», 1998.
4. Кожин В. В. Слово как форма образа // Слово и образ: Сб. статей. М., 1964. С. 46.

5. Рогачев В. В ожидании рассвета // Занкиев Я. Зори Иртыша. Тюмень: СофтДизайн, 1998. С. 8.

6. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 18-19.

7. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002.

*Екатерина Анатольевна ГОЛОВИНА —
аспирант кафедры английского языка*

УДК 81'42

ТЕКСТ КАК ДИАЛОГ

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается анализ диалогической концепции М. М. Бахтина, в которой текст рассматривается как диалог в двух аспектах: внутритекстовых и внетекстовых диалогических отношений. Автор подчеркивает, что данная концепция является созвучной современным лингвистическим учениям, в том числе и теории драматического дискурса.

The author regards the dialogue concept by M. M. Bakhtin, who views the text as a dialogue considering intextual and extratextual factors, and points out that this concept fully corresponds to contemporary linguistic theories including drama discourse.

Еще в 20-х годах прошлого столетия М. М. Бахтин отметил неразработанность того раздела лингвистики, в котором должны исследоваться большие текстовые единства: «длинные жизненные высказывания, диалог, речь, трактат, роман и т. п., ибо и эти высказывания могут и должны быть определены и изучены чисто лингвистически, как языковые явления... До сих пор лингвистика научно еще не продвинулась дальше сложного предложения; это самое длинное лингвистически научно обследованное явление языка: получается впечатление, точно лингвистический методически чистый язык здесь вдруг кончается и начинается сразу наука, поэзия и проч., а между тем чисто лингвистический анализ можно продолжать и дальше» [1: 45]. Почти в течение полувека это замечание сохраняло свою актуальность, и только в 70-е годы XX века, когда стала бурно развиваться лингвистика текста, уровень предложения был преодолен.

На необходимость выхода за пределы предложения обращали в свое время внимание А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба [2; 161-170]. Возникновение лингвистики текста было подготовлено и успехами стилистических исследований, традиционно сфокусированных на тексте, появлением теории речи в психологии и лингвистике, развитием функциональной грамматики, теории актуального членения, фоностилистики.

Однако надежды, возлагавшиеся на лингвистику текста, не оправдались. Ожидания, что открытия в области лингвистики текста дадут правила соединений предложений в связанное целое, но сохраняют неизменным само деление языковой системы на уровни, классы, категории, оказались напрасными. Уже к концу 70-х годов были сделаны выводы, что исследование текста ведет к перестройке реконструируемой языковой системы, что проявляется 1) в выведении новых содержательных категорий; 2) в теоретической модификации традиционных содержательных категорий; 3) в появлении новых функциональных классов; 4) в переосмыслении и иной классификации единиц традиционной грамматики [3; 23]. Из этого следовало, что языковая компетенция не исчерпывается способностью строить и понимать осмысленные предложения, она предполагает также владение механизмами сверх фразового анализа и синтеза. Формиро-